

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gokubarev@gmail.com

Гравировки скифского времени из Калбак-Таша I

Статья посвящена результатам работ автора по копированию новых и уточнению уже известных гравированных изображений на местонахождении петроглифов Калбак-Таша I. Несмотря на монографическую публикацию этого памятника, многие уникальные гравировки остались необработанными и неопубликованными. Автору удалось скопировать несколько композиций, две из которых представлены в статье. На одной из них изображены две большие фигуры фантастических животных, сочетающих в себе признаки грифона, оленя и кошачьего хищника. До сих пор образ такого мифического животного был известен почти исключительно по татуировкам пазырыкцев. Эти изображения – первые подобные образы в наскальном искусстве Алтая и сопредельных регионов – были оставлены носителями пазырыкской культуры в V–III вв. до н.э. Иконография такого фантастического существа была широко распространена у ираноязычного населения Евразии и связана с сюжетом «благого терзания» хищниками травоядных животных. Этот сюжет трактуется исследователями как «основной миф» скифского мира Евразии. На другой скопированной композиции изображена большая гравированная фигура кабана, пораженного несколькими стрелами. Возможно, в данном случае мы имеем дело с охотничьей магией – изображенное дикое животное должно было быть «убито», чтобы обеспечить благоприятный исход охоты. Вероятно, Калбак-Таша в разные исторические эпохи всегда являлся наиболее удобным и безопасным местом переправы через р. Чуя для диких животных, таких как олень и кабан. Как раз на месте переправы охотники могли поджидать свою добычу. Изображение кабана датируется скифским временем.

Ключевые слова: петроглифы, гравировки, скифский период, Калбак-Таша, Алтай.

Gleb V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gokubarev@gmail.com

Engravings of the Scythian Period from Kalbak-Tash I

This article presents the results of author's work on copying new engraved representations and clarifying the already known images at the Kalbak-Tash I petroglyphic site. Despite a specialized work about this site, many unique engravings have remained uncopied and unpublished. The author copied several compositions, two of which are presented in this article. One of the compositions depicts two large figures of fantastic animals which combine the features of the griffin, deer, and feline predator. Until now, the image of such mythical animal was known almost exclusively from the tattoos of the Pazyryk people. These images are the first representations of that kind in the rock art of the Altai and neighboring regions; they were left by the representatives of the Pazyryk culture in the 5th–3rd centuries BC. The iconography of such fantastic creature was widespread among the Iranian-speaking population of Eurasia and was associated with the theme of “good torment” of herbivores by the predators. This subject has been interpreted by scholars as the main myth of the Scythian world of Eurasia. Another copied composition represents a large engraved figure of boar injured by several arrows. It is possible that in this composition, we are dealing with hunting magic – the depicted wild animal had to be “killed” in order to ensure the successful result of the hunt. In different historical periods Kalbak-Tash could have always been the most convenient and safe crossing of the Chuya River for wild animals such as deer and wild boars. Hunters could have waited for their prey precisely at the crossing point of the river. The image of the wild boar was dated to the Scythian period.

Keywords: petroglyphs, engraving, Scythian period, Kalbak-Tash, Altai.

В полевом сезоне 2019 г. автором были продолжены археологические разведочные работы по поиску новых и обработке уже известных наскальных изображений на территории Онгудайского и Кош-Агачского р-нов Республики Алтай. Так, например, в окрестностях с. Кокоря были обнаружены два новых местонахождения петроглифов, выполненных на необычных для наскального искусства Алтая песчаниковых скалах и останцах. Однако одной из главных целей проведенных исследований была всесторонняя обработка и копирование гравированных сцен на местонахождениях петроглифов Калбак-Таш I и Калбак-Таш II.

Петроглифоведение начиналось преимущественно с обработки и копирования выбитых и крашенных рисунков. На тонкие резные изображения исследователи либо не обращали внимания, либо их останавливала трудность или невозможность копирования гравировок. А между тем именно техника гравировки позволяла древним художникам разных эпох предельно детализировать рисунок – показать одежду, военное снаряжение, окраску или шкуру животного, прическу и даже черты лица людей. Часто уникальные изображения и образы выполнены именно в технике гравировки.

Одним из вариантов обработки резных изображений во второй половине XX в. было использование разнообразных материалов (полимерные пластики, гипс, смолы и пр.) для изготовления «объемных негативных матриц» путем отливки со скалы с петроглифами. Однако эту методику вряд ли можно назвать копированием граффити. В итоге можно было получить дубликат изображения и продолжить его обрабатывать в стационарных, камеральных условиях. Гравировки снимали аналоговыми фотоаппаратами, однако в случае с большими композициями возникали трудности – их можно было фотографировать лишь отдельными фрагментами. Микалентная бумага и калька не подходили для копирования тонких резных линий. Копирование на прозрачные полимерные материалы трудоемко и требует от археолога большого опыта.

В настоящее время с развитием цифровых технологий стали доступны методы фотограмметрии, многоугольной теневой фотосъемки, 3D-сканирования. Е.А. Миклашевич предложила и опробовала документирование гравировок при помощи многократной цифровой фотосъемки, последующего «сшивания» снимков в графическом редакторе и прорисовки изображения в отдельном слое поверх полученной фотопанорамы [2012, с. 167]. Однако какой бы способ копирования и прорисовки гравированных изображений ни был выбран исследователем, он остается очень трудоемким как при работе собственно на местонахож-

дении петроглифов, так и при последующей обработке материалов. Особенности трудности вызывают большие сцены граффити, на которых разновременные резные изображения накладываются друг на друга и многие резы имеют волосяную толщину.

Яркий и эталонный петроглифический памятник Алтая Калбак-Таш I был обработан и введен в научный оборот В.Д. Кубаревым дважды – на английском [Kubarev V.D., Jacobson, 1996] и русском [Кубарев В.Д., 2011] языках. В монографиях представлено несколько гравированных сцен, преимущественно древнетюркского времени, собрание тамг и прорисовки рунических надписей. Однако, как отмечал сам В.Д. Кубарев, на памятнике осталось несколько необработанных плоскостей с тонкими, слабо различимыми граффити, которые будут исследованы, когда появятся новые технические возможности для более точного копирования рисунков [Кубарев В.Д., 2011, с. 14]. И такие новые технические возможности в виде цифровой фототехники появились. В числе первых свою методику работы по копированию гравировок на Калбак-Таше I опробовала Е.А. Миклашевич [Миклашевич, 2012, рис. 3, 4; Миклашевич, Мухарева, 2011]. Она обработала многослойные композиции 239, 240 и 409 (по нумерации В.Д. Кубарева), преимущественно скифской эпохи [Там же]. Я также скопировал некоторые, неизвестные ранее гравировки на этом местонахождении петроглифов [Кубарев Г.В., 2013, рис. 1, 2].

В этом году мне удалось заново скопировать несколько как уже известных и опубликованных В.Д. Кубаревым сцен граффити, так и тех, которые в книгу не вошли. Отдельными фрагментами они были полностью отсняты на цифровой фотоаппарат при косом солнечном освещении для дальнейшего «сшивания» и прорисовки в графическом редакторе. В числе прочего была отснята и прорисована композиция, опубликованная В.Д. Кубаревым под № 384 [2011, с. 255]. Она находится на скале VI, на вертикальной поверхности, ориентированной на юг – в направлении Чуйского тракта и р. Чуи. После расширения Чуйского тракта в середине XX в. эта поверхность фактически стала нависать над ним. Ее размеры – 150 × 95 см. На скале хорошо различимы три фигуры оленей и одна – козла, выгравированных в древнетюркское время, а также по меньшей мере 13 рунических строк. Удалось уточнить многие детали изображений, рунические знаки, зафиксировать тамгу, которую исследователь, вероятно, принял за современную кириллическую букву и не стал воспроизводить в своей копии.

Однако первыми на этой скале были выгравированы два фантастических существа скифской эпохи, совмещающие в себе голову и клюв грифона, тело (?) и рога оленя, когтистые лапы кошачье-

го хищника (рис. 1, 1; 2). У «олене-грифонов» массивное тело, голова грифона с большим загнутым клювом, крупным круглым или ромбическим глазом, ухом. Передняя лапа верхнего и задняя нижнего мифических существ как будто имеют когти.

Рога верхней «химеры» с многочисленными завитками близки по форме к рогам оленей на оленьих камнях (рис. 1, 1, 8). Они показаны в профиль, тогда как у нижнего существа развернуты и различимы оба.

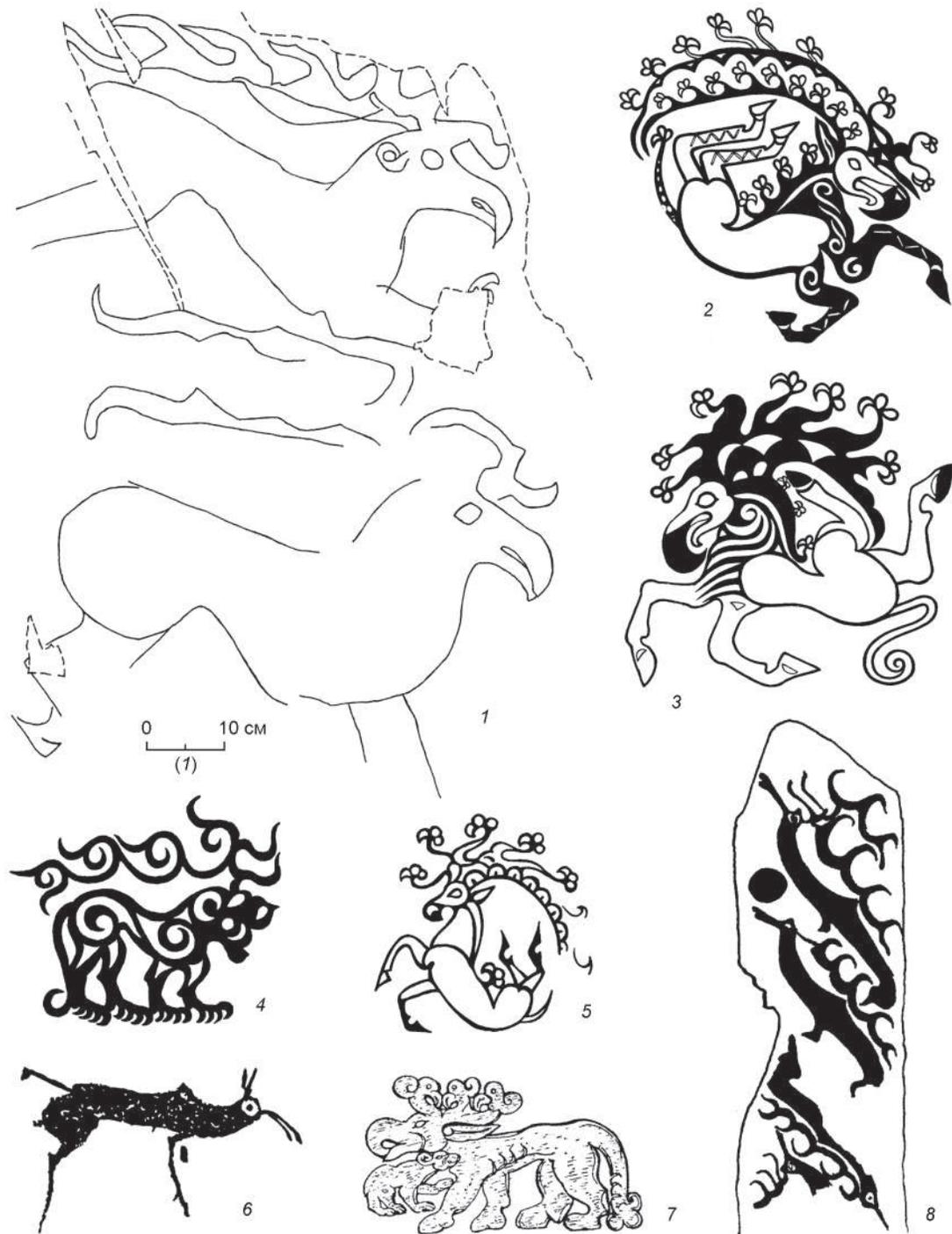

Рис. 1. Фрагмент композиции 384 из Калбак-Таша I с фантастическими существами, сочетающими в себе признаки грифона, оленя и кошачьего хищника (1) и их аналогии (2–8).

1 – петроглифы Калбак-Таша; 2, 3 – татуировка мужчины, Пазырык, кург. 2 (по: [Руденко, 1953, рис. 181, 182]); 4 – кожаная аппликация, Первый Тузунтинский курган (по: [Руденко, 1960, рис. 87]); 5 – татуировка женщины, Ак-Алах-3, кург. 1 (по: [Полосьмак, 2001, рис. 151, 6]); 6 – петроглифы Калбак-Таша I (по: [Кубарев В.Д., 2011, № 595]); 7 – деревянная бляха, Катанда (по: [Руденко, 1953, табл. 82, 4]); 8 – изображение на оленьем камне, Нухтийн ам, Галт сумын, Хубсугульский аймак МНР (по: [Волков, 2002, табл. 99, 2]).
2–8 – масштаб разный.

Рис. 2. Фото головы «олене-грифона» из Калбак-Таша I.

«Олене-грифоны» воспроизведены мной без налегающих на них раннесредневековых гравировок и рунических строк (см. рис. 1, 1). Длина фигур составляет примерно 64 см при высоте 40 см. Резные линии, которыми они выполнены, довольно широкие и глубокие, хотя и сильно патинизированные (см. рис. 2). Это особенно хорошо видно в сравнении с более светлыми и тонкими резами древнетюркской эпохи. Именно сильная патинизация, раннесредневековые изображения, рунические строки и огромная посетительская надпись («Юдин Василий Осипович») поверх фигур этих синкретических существ осложняют их восприятие и копирование. Тем не менее абрис верхнего мифического животного был воспроизведен В.Д. Кубаревым правильно [2011, с. 255], хотя, видимо, не будучи до конца уверенным в нем, исследователь не уделил ему внимания в отношении интерпретации, датировки и т.п. Ему не удалось рассмотреть детали изображения (завитки рогов, глаз, ухо, когти) и зафиксировать нижнюю фигуру.

Датировка и этнокультурная принадлежность образов этих синкретичных животных не вызывает никаких сомнений. Фантастические «олене-грифоны» были нанесены на скалу носителями пазырыкской культуры и должны относиться к периоду V–III вв. до н.э. В пользу этого свидетельствуют их аналогии в татуировках (см. рис. 1, 2, 3, 5), на деревянных бляшках (см. рис. 1, 7), в кожаных аппликациях (см. рис. 1, 4) пазырыкцев. К образу «олене-грифонов» семантически близки изображения рогатых тигров (см. рис. 1, 4) или рогатого лося (см. рис. 1, 7).

Подобные фантастические персонажи были известны не только пазырыкцам. Иконография такого фантастического существа была широко

распространена у ираноязычного населения Евразии и была связана с сюжетом «благотерзания» хищниками травоядных копытных животных [Черемисин, 2008, с. 100]. Этот сюжет трактован исследователями как «основной миф» скифского мира Евразии. П.И. Шульга считает, что подобные «олене-грифоны» обладали у пазырыкцев Алтая особой сакральностью – их изображения не помещались на пояса, оружие, одежду, украшения и сбрую. Они воспроизводились преимущественно на татуировках людей, причем на руках или плечах [Шульга, 2010, с. 65].

Если говорить не только о сходстве, но и об отличиях сравниваемых образов, то необходимо отметить, что у «олене-грифонов» на татуировках практически всегда вывернут зад – как у травоядных животных, жертв хищников, тогда как у калбак-ташских существ массивные тела и показаны они в стремительном беге или полете (особенно это справедливо для верхней фигуры). Кроме того, последние имеют когти грифона (?) или кошачьего хищника, а пазырыкские фигуры – копыта. Если отростки рогов фантастического существа на татуировках завершаются стилизованными головками птиц, то рога калбак-ташских существ вполне соответствуют форме рогов оленей на оленных камнях.

Оленей, представленных на оленных камнях, часто описывают как имеющих клювовидную морду (рис. 1, 6, 8). Действительно, по аналогии с фантастическими «олене-грифонами» из Калбак-Таша с головой и клювом грифона легко можно себе представить существо с телом оленя и головой другой птицы с длинным и изогнутым клювом (журавля, цапли, аиста?).

Мифическим существам из Калбак-Таша присущ большой размер, и они были выгравированы на одной из центральных плоскостей, обращенных к реке. Не исключено, что в древности у подножия этих скал пролегал конная и пешая тропа, с которой этих «олене-грифонов» было хорошо видно. Возможно, они исполняли роль охранителей и освяtitелей культового места, каким был Калбак-Таш. Если до сих пор подобные образы синкретичных существ (в общем-то, не очень многочисленные) преимущественно воплощались в виде татуировок либо на бляхах, то калбак-ташские «олене-грифоны» являются, пожалуй, первым их изображением в наскальном искусстве не только Алтая, но и сопредельных регионов.

Другая скопированная мной сцена граффити не публиковалась В.Д. Кубаревым. Она находится на скале III, рядом с композицией 241 и может быть условно обозначена как 241а. Скальная поверхность здесь почти горизонтальная, с небольшим наклоном, размерами 120 × 67 см. Почти

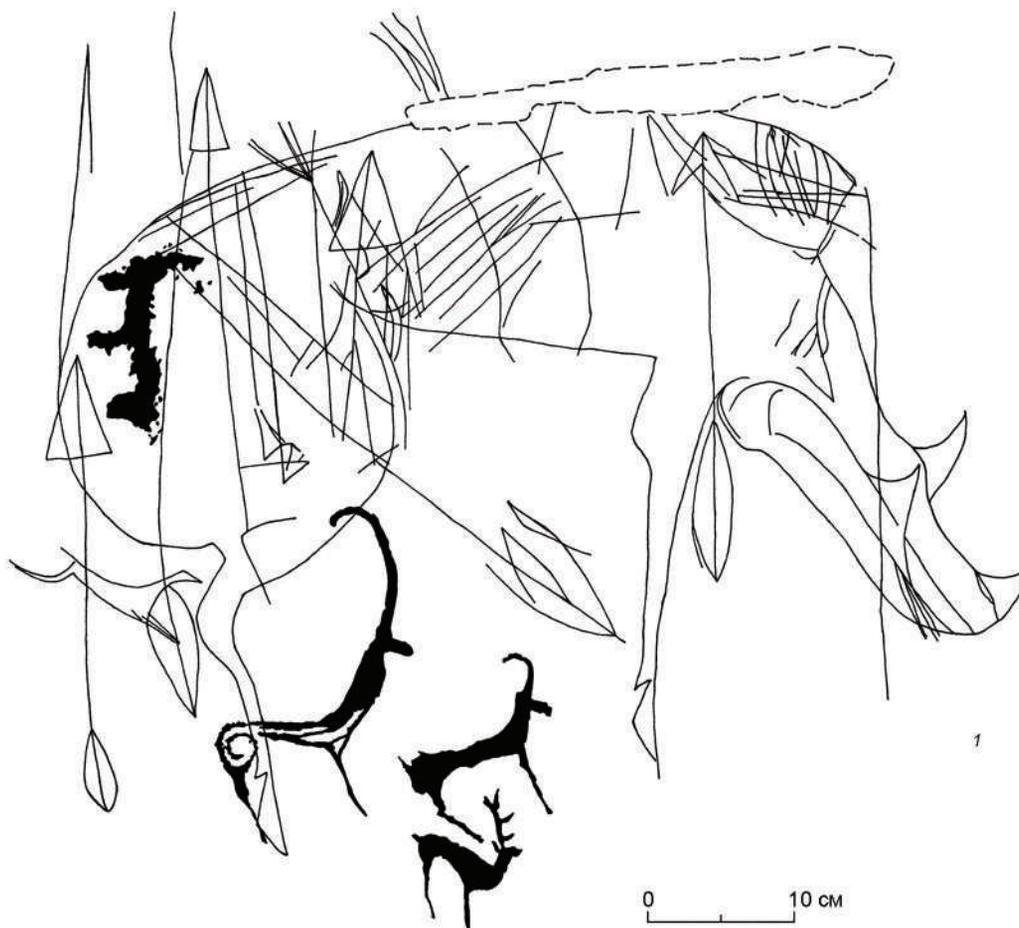

Рис. 3. Фрагмент композиции из Калбак-Таша I с кабаном, пораженным стрелами (1), и аналогии этого образа в петроглифах Калбак-Таша II (2, 3).

всю ее площадь занимает фигура животного, прозванного гидами «носорогом» (рис. 3, 1). Действительно, поначалу кажется, что морда животного заканчивается рогом. Однако в дальнейшем становится очевидным, что это большая фигура кабана (*Sus scrofa*). Длина гравировки 64 см, высота 46 см. Общий абрис фигуры кабана весьма изящен, у него показаны две ноги – он как будто стоит на «цыпочках» (см. рис. 3, 1). Массивная длинная голова составляет примерно одну треть от туловища и имеет два клыка-резца, изображен-

ных в проекции. Безусловно, это самец, кабан-секач. На хребте у кабана имеется подобие гривы, образуемой шерстью, что натуралистично передано параллельными резными линиями. Необычным представляется достаточно большой размер гравированного изображения. Кабан воспроизведен пронзенным 6–7 стрелами с треугольными наконечниками и оперением.

Под фигурой кабана выбиты изображения двух козлов и оленя, а на его крупе – грубая и незаконченная фигура козла (?) (см. рис. 3, 1).

Микалентная копия передней части кабана уже публиковалась [Назаренко, 2018, рис. 5]. Публикатор различила у фигуры только голову, шею и переднюю ногу и считает, что это прием частичного изображения [Там же, с. 67]. Но самое поразительное, что она принимает эту якобы парциальную фигуру за носорога и попутно производит «революцию» в палеонтологии: «Удивление вызывает время исполнения рисунка. В официальной палеонтологии считается, что эти животные вымерли еще в период плейстоцена. Но рисунок периода нашей эпохи говорит, что этих крупных животных могли наблюдать и художники эпохи тюркских кочевников» [Там же]. Автор статьи не знает, что благодаря целой серии радиоуглеродных определений установлено: шерстистый носорог вымер на территории Западной Сибири около 10 тыс. л.н. [Орлова и др., 2008, с. 133, 135].

Не вызывает никаких сомнений, что перед нами фигура кабана. В пользу этого свидетельствуют другие, выбитые изображения этого животного – например, в Калбак-Таше II (рис. 3, 2, 3). Они имеют абсолютно идентичные пропорции, анатомические детали и пр. Гравированный кабан из Калбак-Таша по указанным признакам близок к изображениям этих животных, выполненным в т.н. аржано-май-эмирском стиле и датируемым IX–VII вв. до н.э. [Чугунов, 2008, с. 60–61, 68]. Впрочем, эта фигура кабана может быть широко датирована скифской эпохой, с IX и вплоть до III в. до н.э. Эту датировку подтверждают и треугольные наконечники стрел, поразивших кабана. Они были широко распространены в скифский период. Изображения кабанов, в том числе гравированные, представлены и на других местонахождениях петроглифов Алтая [Миклашевич, 2012, рис. 9, 2, 6; 11, 8].

Любопытно, что большая гравированная фигура кабана показана пронзенной стрелами – он «убит». Возможно, мы имеем здесь дело с охотничьей магией. Кабаны – прекрасные пловцы, и вполне вероятно, что Калбак-Таш (на многие километры вниз и вверх по течению р. Чуи берега очень обрывисты, а течение реки стремительное) всегда являлся местом переправы для диких животных, таких как олень и кабан. Как раз на месте переправы охотники могли поджидать свою добычу.

Проведенные мной и моими коллегами работы по выявлению, обработке и прорисовке еще не учтенных петроглифов на Калбак-Таше I, и прежде всего гравированных, подчеркивает их важность и значение. Потенциал этого эталонного петроглифического комплекса использован далеко не полностью, о чем и свидетельствует обнаружение уникальных гравированных образов и композиций. Эту работу необходимо продолжить и в конечном счете

подготовить к печати дополнительно к уже изданной монографии публикацию, которая объединила бы уточненные старые и новые гравированные изображения Калбак-Таша I.

Благодарности

Статья написана в рамках проекта НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев Г.В. Археологические работы Чуйского отряда на Алтае в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 225–229.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.

Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 233–246. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Назаренко Е.Ю. Особенности изобразительных приемов в наскальной графике Алтая // Значение природного и культурного наследия в современном обществе: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня основания бюджет. учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина». – Горно-Алтайск: Нац. музей Респ. Алтай; Горно-Алт. гос. ун-т, 2018. – С. 65–67.

Орлова Л.А., Васильев С.К., Кузьмин Я.В., Косинцев П.А. Новые данные о времени и месте вымирания шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799) // Докл. Академии наук. – 2008. – Т. 423 (1). – С. 133–135.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.; 128 табл.

Черемисин Д.В. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посв. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 99–105. – (Тр. САИПИ; вып. IV).

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-маймирского стиля) // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посв. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 53–69. – (Тр. САИПИ; вып. IV).

Шульга П.И. Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу (Синьцзян) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т. – 2010. – № 3 (15). – С. 62–71.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibirie du Sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 1996. – Т. 3. – 45 p., 662 pl.

References

Cheremisin D.V. K semantike obraza klyuvogolovogo olenya v pazyryk-skom iskusstve. In *Tropoyu tysyacheletii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenniy yubileyu Marianny Artashirovny Devlet*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008, pp. 99–105 (Trudy SAUPI; iss. 4) (in Russ.).

Chugunov K.V. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-maiemirskogo stilya). In *Tropoyu tysyacheletii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenniy yubileyu Marianny Artashirovny Devlet*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008, pp. 53–69 (Trudy SAUPI; iss. 4) (in Russ.).

Kubarev G.V. Arkheologicheskie raboty Chuiskogo otryada na Altae v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 225–229 (in Russ.).

Kubarev V.D. The petroglyphs of Kalbak-Tash I (Russian Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 444 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibirie du Sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai). Répertoire des pétroglyphes

d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 1996, vol. 3, 45 p., 662 pl.

Miklashevich E.A. The technique of engraving in rock art of the Scythian period. In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Moscow; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012, pp. 157–202 (in Russ.).

Miklashevich E.A., Mukhareva A.N. Novye petroglify Kalbak-Tasha. K voprosu o raschistke naskal'nykh risunkov ot lishainikov. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: k 70-letiyu D.G. Savinova*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011, pp. 233–246 (Trudy SAUPI, iss. 7) (in Russ.).

Nazarenko E.Yu. Special features of depiction techniques in the rock art of Altai. In *Znachenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya v sovremennom obshchestve: materialy Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya osnovaniya byudzhnogo uchrezhdeniya Respubliki Altai «Natsional'nyi muzei Respubliki Altai im. A.V. Anokhina*. Gorno-Altaysk: Natsional'nyi muzei Respubliki Altai; Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2018, pp. 65–67 (in Russ.).

Orlova L.A., Vasil'ev S.K., Kuz'min Ya.V., Kosintsev P.A. Novye dannye o vremeni i meste vymiraniya sherstistogo nosoroga (*Coelodonta antiquitatis Blumenbach*, 1799). *Doklady Akademii nauk*, 2008, vol. 423 (1), pp. 133–135 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001, 336 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953, 402 p., 120 tabl. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960, 350 p., 128 tabl. (in Russ.).

Shul'ga P.I. Izobrazheniya kopytnykh grifonov iz Dunkheigou (Sin'tszyan). In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2010, No. 3 (15), pp. 62–71 (in Russ.).

Volkov V.V. Stone stelaes from Mongolia (“deer stone”). Moscow: Nauchnyi mir, 2002, 248 p. (in Russ.).

Кубарев Г.В. <https://orcid.org/0000-0001-6376-4153>